

Кто-то предаст, кто-то молча пойдет на смерть...
Примет земля без остатка горячую кровь.
Кто-то доверится, кто-то шагнет под плеть,
Кто-то прикроет себя, ну а кто-то — собой.

Кто-то солжет, кто-то даст себя словом увлечь,
Дрогнет, отступит, поддавшись глухой мольбе.
Кто-то сломается. Кто-то поднимет меч.
Кто-то поверит в себя, ну а кто-то — тебе.

ГЛАВА 2

Платье Добронеги мелькнуло за поворотом. Я бросилась за ней, свернув на узкую улочку, и почти сразу поняла, почему Ростислав назвал тропку мокрой. Когда ноги по шиколотку оказались в ледяной воде, мне удалось сдержать визг лишь невероятным усилием воли. Мы убегали от ворот тюрьмы по ручью. Замысел Ростислава был гениален: кому придет в голову искать здесь мать и сестру воеводы? С князем и его людьми мы разминулись.

Добронега за всю дорогу не проронила ни слова. Было видно, что ей претит необходимость прятаться в родном городе, хотя надо сказать, что пробиралась по узким улочкам она с обычным достоинством. Я сама не спешила затевать разговор, потому что в голове вертелась фраза про оберег на кварском. Почему Альгидрасу нужно, чтобы Миролюб непременно об этом узнал? Ведь по всему выходит, что Миролюб его подставил. Вчера он сказал, что волен убить Альгидраса и не делает этого только потому, что не хочет выглядеть зверем в моих глазах. Насколько сказанное было правдой? Действительно не хотел? И уехал потому, что знал, что суд все равно будет, а сам он ничего не сможет сделать? Не хотел показывать слабость, потому что не мог пойти против отца? Или же дело в чем-то другом?

Откуда у княжича земель, воюющих с кварами, кварский оберег? Миролуб сказал, что тот достался ему от дядьки и что сам он думал, будто это всего лишь узор. Мог ли дядька снять его с убитого квара? В мозгу тут же вспыхнула картинка, которую я уже видела: мальчик с иссиня-черными волосами смотрит осуждающе. Он очень молод — лет пятнадцать-шестнадцать. Как он погиб? Во многих ли боях успел поучаствовать, сколько трофеев захватил? Вдруг и правда пластина с надписью была трофеем? Вот только мальчик выглядел еще моложе Альгидраса и был княжеских кровей. С какого возраста его могли бросать в битвы? Похоже, единственный способ выяснить, как он погиб, — успокоиться и подумать о нем. Вдруг это все же сработает? Потому что спросить мне было не у кого. Я уже не была уверена, что Миролуб скажет правду. Я вообще уже ни в чем не была уверена.

Пока я стаскивала с себя промокшее и грязное до колен платье, меня очень волновал вопрос: пошел ли Радим с людьми князя и если да, то защитит ли он теперь Альгидраса? Я притащила в покои Всемилы лохань с теплой водой и погрузила в нее заледеневшие ступни. Почему Альгидрас сказал, что он не погибнет? Откуда такая уверенность? Или же он просто меня так успокаивал?

Я собиралась глубоко вздохнуть, но вместо этого громко всхлипнула. Пришлось зажать рот ладонью, чтобы Добронега не услышала, — заноса тяжелую лохань, я оставила дверь открытой. Он сказал, что выживет... Только вот формулировка получилась странной. Выживет — это же не значит не пострадает, верно?

Вынув согревшиеся ноги, я обтерла их полотенцем и босиком прошла к окну. Солнце по-прежнему палило

нешадно. Забравшись с ногами на сундук, я обхватила колени и опустила на них подбородок. Нужно что-то придумать. Вот только что?

Добронега вошла бесшумно, и я невольно вздрогнула, когда она коснулась моего плеча.

— Испугалась? — спросила она, хотя ответ был очевиден.

— Не ожидала просто, — пробормотала я и попыталась улыбнуться. Получилось плохо, впрочем, Добронега и сама не была расположена к улыбкам.

— Что случилось, дочка? — неожиданно спросила мать Радима, присаживаясь на край сундука и комкая в руках подол платья.

— Ты о чем? — Я очень надеялась, что недоумение в моем голосе звучит натурально.

По-видимому, зря, потому что Добронега прищурилась, разглядывая меня так, точно видела впервые. Я напряглась, вдруг вспомнив, кто я на самом деле. Ведь, по большому счету, никто до сего момента на разглядывал меня, кроме Альгидраса. А что, если Добронега все сейчас поймет? Я старше, я другая...

— Я про Олега спрашиваю, — вдруг произнесла Добронега.

— Что?

Меня точно ветром сдуло с сундука. Я сделала несколько шагов к кровати, резко развернулась, посмотрела на мать Радима, сцепила руки в замок, расцепила, расправила подол платья, с ужасом понимая, что веду себя как уличенная на месте преступления и ничего не могу с этим поделать.

— Что с Олегом? — нервно выпалила я, всем своим видом стараясь отместить малейшие подозрения. — Ну, кроме того, что он в клетки...

Добронега поудобнее устроилась на сундуке и, по-прежнему глядя мне в глаза, спросила:

— С Миролюбом, гляжу, добром поладили?

Я с облегчением выдохнула. Ну хоть тут врать не придется.

— Да. Он славный.

— Славный, — медленно проговорила она. — Говорят, его воины тут конями всю дорогу истоптали, пока он с тобой прощался...

— Да, он заходил. — Не имело смысла отрицать очевидное. — Попрощался, потом с Олегом переговорил и уехал.

— Олег, стало быть, тут же был?

— Да. Его Радим прислал. Он сперва за дом уйти хотел, но Миролюб попросил его остаться. Так что мы были втроем. И ничего... такого не было.

Добронега прищурилась, а потом негромко спросила:

— А до того было?

— Что было? — нервно спросила я, прекрасно понимая, о чем она.

— Целовал он тебя, обнимал? В этот раз он совсем другой. Раньше едва смотрел в твою сторону, а в этот раз... Я бы сказала, что дело к свадьбе, вот мочи терпеть уже и нет, да не тот человек Миролюб. Он выше простых утех. В строгости воспитан. А в этот раз видно, что осмелел.

Ну, вот и ответ на мой вопрос, какие отношения были у Всемилы с Миролюбом. Получается, ее он не любил, но за мной-то ухаживает! Задумавшись, я даже вздрогнула, когда Добронега потребовала ответа:

— Что скажешь, дочка?

Ну что я могла сказать? Только правду.

— Да, он... целовал меня несколько раз.

— Когда?

— Ну зачем тебе?

— Ответь! — неожиданно жестко произнесла мать Радима, и я застыла. — Я не из простого любопытства спрашиваю.

— Один раз во время пира, во дворе. Потом здесь. Перед отъездом.

— Олег видел?

— Олег? При чем здесь он?

— Видел или нет?

— Да, сегодня он был во дворе.

— Что было потом?

— Потом они поговорили, и Миролюб уехал.

— Ссорились?

Я вспомнила их «танец с саблями».

— Не знаю. Я у Серого была. Не слышала толком.

Добронегя резко согнулась, закрыв лицо руками. Я испуганно бросилась к ней, в очередной раз подумав, что так и не знаю, звала ли Всемила ее мамой, поэтому просто спросила:

— Тебе плохо?

— Из-за девки, — неразборчиво пробормотала Добронегя в ладони. — Опять из-за юбки. Глупцы.

— Да о чем ты?! — Я опустила на колени перед матерью Радима, стараясь заглянуть ей в лицо. Та отняла руки и выпрямилась.

— Отец ваш уже голову сложил из-за меня. И эти туда же!

— Подожди! Ты хочешь сказать, что...

— Миролюб уехал в Красно Дворище, а воин из его дружины остался здесь говорить от его имени. Говорит, Олег убил одного из их людей. Ночью, когда к тебе ходил. Этого воин не говорит, но кому надобно знают.

Он не только княжеского воина убил, получается, еще и тень на побратимство бросил.

— Какую тень, о чем ты?

— Мать-Рожаница, как же так?! Что с ним было, отечай? — Добронегя вдруг резко схватила меня за запястье. Больное, между прочим, но, похоже, ее это совершенно не беспокоило.

От неожиданности я уселась на пол. А как же болезнь Всемилы, а как же не волновать? Или она устроит мне разнос, а потом зелье вольет?

— Ничего не было! — возмутилась я. — Ничего!

— Олег целовал?

— Нет! Да что ты говоришь такое?! — Я как могла открыто посмотрела в ее глаза. — У нас с Олегом ничего не было! И нет! Как ты вообще о таком подумала?!

— Ой, врешь, дочка! Неужто я не вижу, как ты на него смотришь? И раньше смотрела, только не так. Сейчас злости нет. Ты же глазами его везде ищешь, а потом уже тех глаз не отводишь.

Я посмотрела в пол, чувствуя, что лицо заливают краской. Господи, неужели это было так заметно? Прилетело, откуда не ждали. А что, если это было заметно не одной Добронеге? Что, если Миролоуб?.. А ведь он вправду всегда цепляет Альгидраса, подначивает. Конечно, мысль о том, что это ревность, мелькала в моем мозгу, но слишком быстро исчезала. Ну не могут всерьез эти суровые мужчины вот так... Господи! Убить из ревности, да еще опозорить! Добронегя выпустила мою руку, и теперь уже я прижала ладони к пылающим щекам.

Мать Радима больше не ждала ответа. Ей и так все было ясно.

— Ты хочешь сказать, что Миролоуб из-за этого? Так он же сам мог его убить! Он же вчера мне сказал, что

может убить за это, но не станет и что в Свири никто не узнает, если я попрошу.

— И ты попросила? — с горькой усмешкой уточнила она.

Я медленно кивнула, глядя прямо перед собой и все еще пытаюсь осознать случившееся.

— Вот и слов никаких больше не надобно, — подытожила Добронегга.

А меня вдруг озарило: если Добронегга о подобном говорит, значит, такое здесь возможно. Интересно другое: а действительно ли Альгидрас не убивал Ярослава? Что, если он тоже убил? Из ревности...

Я вспомнила пристальный взгляд серых глаз. Какова вероятность, что Альгидрас вправду влюбился? Всемигу он не любил совершенно точно. Что же касается его отношения ко мне... Я задумалась. Могло ли что-то во мне его привлечь? Определенно, я не была первой красавицей в Свири. Однако я совершенно очевидно отличалась от местных девушек, и Альгидрас был единственным, кто имел возможность видеть эти отличия. Мог ли он впечатлиться моей непохожестью на других? Самим фактом моей чужеродности и некоей тайны? Я тряхнула головой. Он сам был сыном женщины, служившей богам, то есть по местным меркам не совсем человеком. Ему ли заострять внимание на необычном происхождении?.. Но, с другой стороны, он явно волновался в моем присутствии. Ведь прилагал же массу усилий, чтобы скрыть эмоции, которые я могла чувствовать каким-то непостижимым образом. А еще его совершенно очевидно бесило нахождение Миролюба в непосредственной близости от меня. До того, что он свалился нам на головы во дворе Радима. Да и всякий раз при упоминании княжича он раздражался на пустом месте. И все это выглядело весьма странно.

Я вздохнула, понимая: такими темпами, чего доброго, еще додумаюсь до того, что он и побратимство разорвал по причине своей неземной любви. Чушь все это! Пусть и весьма лестная, но чушь. И все же Добронег считает, что такое возможно... Я подняла голову и встретилась взглядом с матерью Радима.

— Ты думаешь, что Миролюб потому оболгал Олега? Из-за меня?

— Миролюб — не Любим, — медленно произнесла Добронег, — но все же его сын. К тому же княжич, который привык все получать. А с тобой добром хочет.

— Подожди, — перебила я. — Они вчера спорили об этом убийстве. И получилось, что Олег сказал, будто Миролюб тоже мог убить. Ну, не точно так, но почти.

Я вдруг поняла, что мать Радима на моей стороне хотя бы потому, что Всемила — ее семья, и Альгидрас все же не чужой. Значит, можно рассказать ей часть правды. Вдруг она чем-то поможет или хотя бы прояснит ситуацию?

— И Миролюб ответил, что ему не было нужды убивать Ярослава, потому что я и так его. Тогда почему он так поступил с Олегом? Если я и так его?

— Так то Ярослав был? — встревоженно спросила Добронег, и я сперва не поняла ее реакцию.

— Да.

— Ох, бедовые головы, — пробормотала Добронег.

— Нет! Не могли они его убить. Ни один не мог. И с Олегом ошибка какая-то. Я не верю, что Миролюб обвинил его в убийстве. Не нужно ему это! Мы с ним и так ладили. Сама же видишь.

— Вижу. А еще вижу, как на хванца смотришь, — сурово сказала Добронег. — И Миролюб не слепец.

Я обхватила плечи и заставила себя взглянуть в глаза Добронеге:

— Все не так.

— Не так... Ох, дочка-дочка. Коли не был бы он побратимом Радимушки да коли не была бы ты сосватана, я бы только рада была. Душа за него болит. Ты стерпи, Всемилушка, забудь все это... пустое. Не травми себе душу, не доводи до беды. Мирюлюб хоть и добр, так все они добры, пока того, что им принадлежит, не трогают. Не играй с огнем. И Олега не сбивай! Особенно сейчас, как он защиты Радима лишился. Ох, языки теперь чесать будут. Коль обойдется все с ним в этот раз, ему же все косточки переомоют. Не надобно тебе рядом даже показываться. Не гневи богов.

Я устало покачала головой:

— Да неужто я не понимаю? Ты права, я правда о нем много думаю. Только все равно ничего не было и не будет. Нам нечего стыдиться.

— А он? — осторожно спросила Добронеге. — Он думает?

— Нет, — после паузы ответила я. — Наверное, нет. Он о другой думает. Женат он был на острове.

Добронеге прижала ладонь к губам.

— Он сам тебе сказал? Радиму не говорил.

— Радим, верно, не спрашивал, — усмехнулась я. — А я спросила.

Я не чувствовала вины за то, что рассказываю Добронеге тайну Альгидраса. Это и не тайна, по большому счету. Вероятно, вправду никто в Свири просто не интересовался тем, был ли женат молчаливый хванец. Да и зачем им? Для девушек он не был завидным женихом, а мужчины здесь говорили, как правило, об оружии да о кварах.

— Это хорошо, что он любовь свою помнит. Так всем спокойней. А ты душу не трави ему, поняла?

Я кивнула, и Добронегя провела по моим волосам. Я поймала ее натруженную руку и прижала к щеке.

— Что с ним теперь будет?

Над моей головой раздался тяжелый вздох.

— Не знаю, дочка, что с ним будет, что со Свирью будет...

Как же хотелось остановить время! Пусть этот день растянется до бесконечности, пусть не будет никакого суда, пусть все это окажется кошмаром.

Во дворе залаял Серый, в ворота заколотили.

— Ох. — Добронегя подскочила, а потом резко осела на сундук. — Чует сердце, недобрые там вести.

— Я открою? — поднялась я.

— Сама отворю, — Добронегя вновь встала, тяжело опершись на мою руку, точно силы разом ее оставили. — Здесь будь. — И вышла, не взглянув на меня.

Из окна я видела, как Добронегя идет к воротам — неестественно прямо, подняв голову, будто те, кто был за воротами, могли за ней наблюдать, и понимала, что настали непростые времена. И помощи ждать неоткуда.

То ли Радим отправил к Добронеге мальчишку, то ли тот прибежал сам, однако принесенная весть была хуже некуда. Лучше бы ее унесли обратно.

Спустя полчаса мы стояли у западных ворот, и я тупо разглядывала этот их позорный столб. День клонился к вечеру. На небольшой площади, казалось, собралась вся Свирь. Я чувствовала тошноту, думая о людях, которые пришли поглазеть на потеху. Здесь были даже жители окрестных деревень. Когда только успели?.. Я не могла оторвать взгляда от простого деревянного столба, словно он был живым воплощением всех моих кошмаров.

Никто не знал, каким будет приговор. На площади еще не было ни осужденного, ни князя с воеводой, однако в моей голове безостановочно крутились слова Радима о позорном столбе. И слова Миролюба о нем же. Для них это норма. Заслужил — получи наказание. Я сглотнула, пытаюсь побороть тошноту. Добронега перед выходом заставила меня поесть. Сама она, впрочем, больше делала вид, чем ела. Мне же под ее бдительным оком пришлось проглотить кусок холодного мяса и выпить травяной чай. Травы были не те, какими накачивали Всемилу в плохие дни, это давало надежду на то, что я не усну прямо на площади. Хотя сейчас я уже малодушно думала, что лучше бы мне уснуть и проснуться потом, когда все закончится. Немного отрезвляла мысль, что я не могу бросить Альгидраса. Впрочем, я и сама понимала, насколько эта мысль была бредовой и неуместной. Мое присутствие не могло ничем ему помочь, и от осознания этого липкий пот струился вдоль моего позвоночника, а в голове крутилось малодушное: «Это все не по-настоящему, это всего лишь сон!»

Наконец толпа зашевелилась, и на дальнем конце площади показался Радим. Он быстро поднялся на невысокий помост, остановился у длинной скамьи и мрачно оглядел собравшихся. Мне показалось, что в эту минуту он, как и я, ненавидел этих людей за то, что они пришли поглазеть на чужую беду.

Снова раздался шепот, и на помост поднялся князь. На нем, вопреки моим ожиданиям, была простая белая рубаха, на поясе висел короткий меч. Я скользнула взглядом по Радиму. Тот был безоружен. Князь выказывал неуважение каждой минутой своего пребывания в Свири. «Почему он хочет войны?» — думала я, наблюдая, как два воина в синих плащах становятся по обе

стороны от князя. В одном из них я узнала Вадима, не пропускавшего нас сегодня к Альгидрасу, и почувствовала облегчение от того, что нарушение приказа не обернулось для него неприятностями. Тут же я подумала о Ростиславе и его товарище. Где они? Не узнал ли князь о нашем приходе? Не наказали ли их? Словно в ответ на мой вопрос воины в красных плащах, стоявшие чуть в стороне от скамьи, на которую сели князь и Радим, расступились. Вперед вышел Ростислав, тоже одетый в парадную форму. Значит, все у него хорошо. Впрочем, выражение лица у свирского воина было под стать Радимову: глядел он мрачнее тучи. За ним на площадь вышел Альгидрас, и мое сердце сделало немислимый кульбит, а потом сжалось, точно попало в тиски. Он по-прежнему был босиком, штаны и рубаша выглядели так, будто его валяли в грязи, на скуле отчетливо виднелась широкая ссадина. Ростислав взял Альгидраса за плечо и подвел к скамье, а потом, не дожидаясь приказа, быстрым шагом направился в сторону свирских воинов и затерялся в море красных плащей.

Альгидрас стоял перед князем и молчал, молчал и князь, разглядывая хванца так, точно видел впервые. Я искала признаки триумфа на его лице, однако князь Любим выглядел уставшим и раздраженным. Словно ему вовсе не доставляла удовольствия эта сцена. Но если это так, тогда зачем?

— Олег, воин Свири, — негромко произнес князь, опираясь локтем о колено. — Тебя обвиняют в убийстве воина княжеской дружины. Тому есть свидетели. Ты признаешь свою вину?

Любим говорил тихо, но его голос четко слышался на площади.

— Нет, — ответ Альгидраса получился гораздо громче.

Князь вздохнул, словно мечтал побыстрее разделаться с неприятной обязанностью, а Альгидрас нарушил его планы. Было в этом вздохе что-то будничное, будто не решалась сейчас судьба живого человека.

— Веди Златана, — кивнул Любим одному из воинов.

Тот сбежал с помоста и тут же, круто развернувшись, вернулся на свое место — Златан и сам уже вышел из толпы.

— Рассказывай! — велел князь и повернулся к Радиму, точно ожидая, не скажет ли тот что-нибудь, но Радим молча смотрел перед собой.

— Второго дня... То есть ночью Олег ударил Ярослава ножом. Все.

— Сам видел? — внезапно спросил Радим, переводя взгляд на воина.

Тот ступешался под тяжелым взглядом, кивнул, а потом суетливо поправил завязку плаща. Интересно, только я заметила, что он ведет себя не как честный свидетель?

— Поклянись! — голос Радима прокатился громовым раскатом. — Сыном поклянись, Златан. Сын у тебя в прошлую зиму родился. Добрый воин будет, говорят, коль не врешь сейчас.

Златан посмотрел на князя. Радим сейчас поставил его в чудовищное положение. Златан явно врал и делал это, очевидно, по поручению самого Любима. И вот сейчас он должен был выбрать между верностью князю и жизнью сына, потому что, как бы смешно это ни звучало для меня, каждый здесь верил в серьезность клятвы жизнью.

— Княжич видел, — наконец сказал он.

Любим смотрел бесстрастно, точно не хотел никак влиять на ситуацию, но мне показалось, что Златан только что совершил непростительную оплошность.

— Дозволь обратиться, князь. — Радим встал со скамьи и, спустившись с помоста, остановился перед князем.

Я некстати подумала, какой же все-таки Радим мощный и высокий. Настоящий воин. Альгидрас, оказавшийся теперь за его плечом, выглядел вдвое меньше воеводы и бывшего побратима.

— В этом суде слово Олега против слова Златана, который даже не видел, что там было, — начал Радим. — Княжича в Свири нет, выходит...

— Ты прав, Радимир, — князь перебил воеводу на полуслове. — Миролоуба здесь нет, да только есть его слова, воину сказанные. Или ты скажешь, что мой сын соврал?

Радим упрямо произнес:

— Негоже вершить суд с чужих слов. Мало ли, кто что кому скажет. Да как поймет.

Князь выпрямился и оперся ладонью о колено. Воины за его спиной подобрались, точно хищники перед прыжком. Я бросила встревоженный взгляд на дружинников Радима. Они не двигались, однако никто из них не переговаривался, не глазел по сторонам. Все напряженно смотрели в сторону помоста, и было понятно, что одно неверное слово — и начнется что-то страшное.

— Ты говоришь мне сейчас, что я должен отпустить убийцу? Так любой решит, что может безнаказанно убивать моих воинов, отговариваясь тем, что он свирец, а посему на особом положении. Слишком много я свободы Свири дал, воевода. Теперь за то поплатился. — Любим встал и повысил голос, хотя его и до этого было прекрасно слышно: — Златан говорит здесь словами моего сына. Златан, поклянись, что Миролоуб сказал тебе, как видел Олега, напавшего на Ярослава.

Радим медленно повернулся к княжескому воину. Златан посмотрел в глаза воеводе Свири и произнес негромко, но отчетливо:

— Клянусь жизнью сына, что слышал от Миролоуба, что Олег ударил ножом Ярослава ночью.

— Где тело Ярослава? — спросил Радим.

— Не нашли, — развел руками Златан.

— Так может, и не было никакого убийства?

— Так может, о том, где тело, у хванца твоего надобно спрашивать, а не у меня? — зло ответил Златан, и я затаила дыхание, боясь реакции Радима.

Однако Радим меня удивил. Все же не зря он был воеводой. Каким бы крутым ни был его нрав, сейчас его голос звучал ровно.

— Я спрашиваю у тебя, Златан. Олег свое слово сказал, и я ему верю.

Златан посмотрел исподлобья и хмуро ответил:

— Не видел я тела. А княжич про то не говорил.

— Ну вот видишь...

Однако Любим медленно встал, не дав воеводе завершить мысль. Он был высоким. Возможно, даже выше Радима. И вот сейчас он стоял на помосте в простой белой рубахе, и ветер трепал его волосы, и было в этой позе столько властной уверенности, что только глупец мог усомниться в том, что все здесь будет так, как хочет князь.

— Ты сказал свое слово, Радимир. Мы тебя услышали. И Олег, свирский воин, свое слово сказал. Ты ему веришь. Я — нет. Ты прав в одном: он должен сказать, где тело воина из дружины моего сына. Я привык хоронить своих людей по обычаю отцов, а не бросать, как собак. Посему мое слово: Олег получит ровно столько ударов кнутом, сколько ему хватит, чтобы вернуть память.

Признается в учиненном зле и скажет, куда спрятал тело, — будешь волен остановить казнь и решить, жить ему или нет. Не признается... — князь посмотрел за плечо Радима с выражением усталой брезгливости, — туда псу и дорога.

Слова князя Любима долетали до меня словно через вату и при этом никак не желали складываться в осознанный текст. Я тупо смотрела в напряженную спину Радима и ждала хоть какой-то реакции, потому что услышанное было настолько чудовищным, что мне очень хотелось какого-то чуда. И Радим был здесь единственным, кто мог это чудо совершить. Однако он молчал, а усилившийся ветер трепал его волосы и рубаху.

Лица Альгидраса я не видела, и от этого было почти физически больно. Мне эгоистично хотелось запомнить каждую черточку. И я бы испугалась своего эгоизма, если бы совершенно четко не понимала, что это просто защитная реакция. Мой мозг отказывался верить, что это все всерьез.

Альгидрас тоже молчал, глядя себе под ноги. Попытавшись на миг представить, что он может чувствовать сейчас, я поняла, что сама умирала бы от страха и унижения. Но что чувствует он? Я вдруг с ужасом осознала, что в его жизни уже был момент, когда он стоял вот так, перед толпой людей, после того как собственный отец отдал его на расправу. За что же ему все это? Чем прогневил своих богов этот мальчишка?

Наконец Радим пошевелился и что-то сказал князю. Сказал так тихо, что до места, где стояла я, не долетело ни звука. Судя по тому, как зашевелилась и заволновалась толпа зевак, не услышала не только я. Охранники по обеим сторонам от князя подобрались. Тут же как по безмолвной команде пришло в движение свирское войско:

дружинники в красных плащах тоже подобрались, поправили оружие. Меж тем княжеские воины стали продвигаться к помосту. Им предстояло пройти мимо свирской дружины, и по лицам воинов в синем было видно, что мало кто из них верит в успех, однако они медленно скользили к помосту, и их руки сжимались на рукоятках мечей, пока еще дремавших в ножнах.

Любим смотрел на Радима, даже не шелохнувшись. Вероятно, он тянул время, давая своим людям возможность приблизиться. При этом он не мог не понимать: если начнется резня, если Радим вправду решится пойти против него до конца, он не выживет.

Позади зевак всколыхнулось алое море и начало протекать сквозь толпу, словно кровавые ручейки. Свирские воины заполняли площадь, и даже глупцу было понятно, что их намного больше.

— Посторонись, красавица. — Жесткие руки взяли меня за плечи и сдвинули в сторону, словно мебель.

Я оглянулась на воина, однако он даже не посмотрел в мою сторону. Его взгляд был прикован к площади.

— По краю со своими обходи, — так же негромко распорядился он, и еще один дружинник, коротко кивнув, с тем же дежурным «Посторонитесь, красавицы» отодвинул с дороги сразу двух девиц, давая проход своим людям.

За ним потянулась цепочка воинов в красных плащах. В наступившей мертвой тишине тревожно позвякивали звенья кольчуг. Я как замороженная смотрела на мужчин, проходивших рядом, и понимала, что до этой минуты даже не представляла, сколько же людей у Радима. Людей, готовых за него умереть. На напряженных лицах не было страха, только собранность и ожидание. Их было больше, но, думаю, каждый из них понимал, что, случись сейчас

битва, — и будет положено начало междоусобной войне с целым княжеством. Даже если погибнет князь, останется Миролюб и княжеское войско. Я порадовалась, что здесь не было Златы. Вероятно, она понимала, чем все это может закончиться, и не смогла прийти туда, где ее мужчина будет убивать ее отца. Очередной воин задел меня плечом, даже не заметив при этом. Оглянувшись по сторонам, я увидела, что часть женщин пробирается к выходу, унося детей. Из детей постарше кто молча цеплялся за материнские юбки, кто торопился спрятаться за спинами дружинников. На моих глазах один из воинов потрепал мальчишку по вихрастой голове, прежде чем подтолкнуть его прочь с площади. Может, это его сын? Но, взглянув на лицо мужчины, я поняла, что тот едва старше Бояна. Разве что брат этому мальчишке, а то, скорее всего, просто человек, который слишком хорошо знал цену каждой жизни.

Я посмотрела на помост как раз в тот момент, когда князь резко вскинул раскрытую ладонь, и его воины замерли на месте. Он взмахом руки велел им вернуться на прежнее место, и они стали отходить, по-прежнему не делая лишних движений.

— Ты будешь мне угрожать? — князь спросил тихо, но его слова отчетливо прозвучали в напряженном воздухе.

Альгидрас что-то сказал Радиму, и я поморщилась, потому что не услышала. Радим сделал вид, что тоже не услышал. Любим посмотрел на них с долей интереса, словно в середине скучного спектакля вдруг появилась интрига. Альгидрас снова что-то сказал, на этот раз Радим медленно обернулся к нему и взглянул так, что я на месте Альгидраса уже бежала бы со всех ног. Беда только в том, что бежать ему было некуда.

— Дело твой хванец говорит, — подал голос князь и тут же небрежно махнул кому-то рукой: — Начинайте!

Вышла небольшая заминка: вероятно, предполагалось, что казнь будет осуществляться человеком Радима, потому что это все происходило в Свири. Однако желающих ожидаемо не нашлось. Князь устало вздохнул и позвал, даже не оборачиваясь:

— Борислав! Только не быстро. Нам еще ответ нужен.

Борислав отделился от толпы воинов и двинулся к Альгидрасу. Я ожидала, что Радим не позволит ему подойти, однако воевода Свири отошел в сторону, даже не взглянув на бывшего побратима. Не взглянул он и на князя. Растворился среди воинов, расступившихся при его приближении. Что же такого сказал Альгидрас, что Радим вот так отступился и позволил?.. Кто же теперь остановит казнь, если Альгидрас признается? Впрочем, что-то мне подсказывало, что не признается. Хотя что ему стоило сказать, что скинул тело в Стремну?! Тут такое течение, что его, поди, уже в море унесло за эти двое суток. Даже если не убивал, можно же признать! Ведь князю плевать на правду, и всем остальным плевать. Князю нужно унижить Радима и Свирь. А еще я подумала, что Добронега могла бы вмешаться. Вдруг князь бы ее послушал? Или же Злата?! Ну не может же он быть абсолютно непробиваемым? Он все же человек. И он может позволить себе отменить свое слово, и никто ничего не подумает, потому что думать против князя себе дороже.

Все это вертелось в моей голове, пока Борислав весьма бесцеремонно развернул Альгидраса и подвел к столбу. На миг мне удалось разглядеть напряженный профиль хванца. Он смотрел перед собой и кусал нижнюю губу. Ну же, найди выход! Сотвори это чертовое чудо! Раз никто другой не собирается это делать. Я посмотрела на группу

воинов, среди которых затерялся Радим, и с облегчением увидела, что он все еще там, просто стоит не в первом ряду. Он о чем-то переговаривался с Улебом, который в ответ на слова воеводы качал головой и явно возражал. Кто-то из воинов помоложе положил Радиму ладонь на плечо и сжал. Радим сбрасывать руку не стал, позволил ей задержаться на своем плече.

Глубоко вздохнув, я перевела взгляд на позорный столб. Альгидрас уже был без рубахи, и Борислав скручивал его запястья грубой веревкой. Мое сердце сжималось от того, что веревка перетягивала незажившую рану на его руке, и при этом я понимала: эта боль — ничто по сравнению с тем, что ему предстояло.

Борислав вздернул руки Альгидраса, закрепив веревку на вбитом крюке. Тело хванца вытянулось в струнку, почти повиснув на связанных запястьях. Я смотрела на болезненно выпрямленную спину и напоминала себе о том, что нужно дышать. Вдох-выдох. Я ничем не помогу ему, если рухну в обморок. Впрочем, я в любом случае ему ничем не помогу. А ведь говорят, что в книгах герой, попавший в незнакомый мир, делает это с какой-то целью, кого-то спасает, меняет чью-то судьбу. Вот она я. Какой от меня толк, если я не могу помочь даже дорогому человеку? Я вспомнила, как закричала на берегу и тем самым спасла Радима от стрелы. Но тогда это было видением. Закричать сейчас? Но что?

Я ожидала каких-то приготовлений или сама не знаю чего, поэтому невольно вскрикнула от неожиданности, когда кнут со свистом рассек воздух и на выгнувшейся на секунду спине Альгидраса появился кровавый след: короткая полоса, пересекавшая правую лопатку и спускавшаяся к позвоночнику. Напряженные мышцы вывернуло судорогой, и тут же тело хванца расслабилось,

словно он потерял сознание. Я зажала рот ладонью, с ужасом понимая, что этой пытки точно не вынесу. Второй удар, который последовал почти без паузы, показал, что Альгидрас в полном сознании, потому что его тело вновь резко выгнулось, напряглось и тут же расслабилось. Меня начало трясти так сильно, что зубы стучали друг о друга. «Кто-нибудь, пожалуйста, остановите это!» — я мысленно повторяла эти слова как мантру, понимая, что, если он вскрикнет, я просто сойду с ума. Ну что за тупой героизм?! Да соври же ты, чертов упрямец! Хватит уже.

На шестом ударе я поняла, что больше не могу. Медленно развернувшись, я стала проталкиваться сквозь молчаливую толпу. Мимоходом отметила, что на лицах больше не было предвкушения зрелища, не было удовлетворения. Были испуг и даже сострадание. Только что от них проку, если он просто погибнет?! Хлыст снова свистнул, и послышался очередной удар. К моменту, когда я наконец выбралась из толпы, я прокусила губу до крови. Альгидрас снова не вскрикнул, но его дыхание сорвалось и воздух стал вырываться из груди тяжелыми хрипами. Чертов упрямый мальчишка. Заткнув уши, я бросилась прочь, но через несколько шагов встала как вкопанная, потому что в отворенные ворота, ведущие вглубь земель, поднимая тучи пыли, влетел взмыленный конь. Всадник так резко осадил коня, что того повело в сторону. Конь был черным и... Я неверяще уставилась на всадника, лихо спрыгнувшего на землю. Его появление не прошло незамеченным. Люди стали обращаться. Как из-под земли рядом вырос воин в красном плаще.

— Прими! — коротко бросил ему Миролоуб.

Воин подхватил коня под уздцы, а княжич быстрым шагом пошел к толпе.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

